

П. С. Усенко

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***МУЗЕОЛОГИЯ: НАУКА, ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБРАЗ
ИЛИ СОВОКУПНОСТЬ ВЕРБАЛЬНЫХ ФОРМ?**

Розглянуто дискусію про статус і предмет вивчення музеології 60-80-х рр. XX ст., головним «пафосом» якої став перехід музеології від емпірико-описового етапу розвитку до теоретико-синтетичного. На основі ідей М. Фуко пропонується альтернативне розуміння музеології як сукупності вербальних форм, а також визначаються можливості формування її дисциплінарного образу в контексті сучасної гуманітаристики.

Ключові слова: музеологія, дисциплінарний образ, наукова дисципліна, дискурсивні практики.

Рассматривается дискуссия о статусе и предмете изучения музеологии 60–80-х гг. XX ст., главным «пафосом» которой стал переход музеологии от эмпирико-описательного этапа развития к теоретико-синтетическому. На основе идей М. Фуко предлагается альтернативное понимание музеологии как совокупности вербальных форм, а также определяются возможности формирования ее дисциплинарного образа в контексте современной гуманитаристики.

Ключевые слова: музеология, дисциплинарный образ, научная дисциплина, дискурсивные практики.

The article considers the debate on the status and the object of study of Museology in 60-80s of the twentieth century, primarily «pathos» of which was based on a shifting museology from empirical-descriptive stage of development to the theoretical and synthetic. Based on the ideas of Michel Foucault we propose an alternative understanding of museology as a combination of verbal forms. We also identify opportunities for the formation of its image in the disciplinary context of modern humanities.

Key words: museology, disciplinary image, academic discipline, discursive practices.

До середини XX в. музеологія представляла собою сумму практичних знань, которая сосредоточивала своє внимание на організаційній стороні діяльності музеїв, поміщаючи музейний інститут і музейний предмет в центр своєї науково-дослідницької діяльності. Музеологія як область знання і вид діяльності, по суті, формулювала принципи визначення історичної цінності музейних предметів, вивчала різні аспекти їх впливу на відвідувача, розробляла методи документування дійсності, вивчала історію музеїв, їх суспільні функції, теорію і методику музейної справи.

Такое понимание предназначения музеологии до сих пор наиболее популярно среди музейных работников и имеет давнюю традицию. Многие из участников дискуссии относительно предмета изучения и задач музеологии опираются на определение «музеологии», предложенное на Международном Музейном Семинаре ЮНЕСКО в Рио-де-Жанейро в 1958 г. Согласно этому определению, музеология является отраслью знания, которая занимается изучением целей и организации музеев. В 1972 г. более подробное определение было дано ИКОМ, определившего музеологию как исследование происхождения и истории музеев, их роли в жизни общества, конкретных систем для научных исследований, хранения, образования и организации, отношения с физической средой, а также классификации разного рода музеев. Это определение очертило границы большинства музейных программ по подготовке персонала. Однако эти программы, как правило, отсылают нас к музейным исследованиям, а не к музеологии.

Аналогічні тенденції спостерігаються і в українській традиції. Так в Словаре іноземних слів, введених в склад російської мови під редакцією А. Н. Чудинова (1910 г.) музеологія визначається як «наука про устро́йство музе́ев». Данна трактовка в більш широкому вигляді перейде до багатьох українських енциклопедій і словарів (Ожегова, Ушакова, Ефремової, БЭС).

Визначення музеології як науки про музейний інститут пов'язано з визначенням інституту як такого. Американський музеолог Георг Еліс Буркау, визначаючи музеологію як дослідження музейної інституції говорить, що сам термін «відноситься до сучасним музеям, які визначаються нашої професійної організації» [3, с. 16].

Подібне розуміння музеології, яке ґрунтується на емпірико-описательному характері роботи і концентрує увагу на взаємодії музеології з предметними дисциплінами, з другої половини ХХ ст. знаходить все більше число критиків. Так, наприклад, польський музеолог Войцех Глужинський утверджує, що «більшість музейно орієнтованих музеологій представляють собою вузький емпіризм, оснований на музеї як функціональній конгломерації конкретних заходів, направлених на збереження і використання предметів» [4, с. 33]. Він, як і багато інших сторонників переходу музеології в теоретико-синтетичну фазу розвитку, переслідує мету відокремити теоретичну область дослідження від практичної, добившись тим самим укріплення музеології як академічної і незалежної дисципліни.

Одним з перших, хто запропонував систематизований проєкт подібного розмежування був Іржи Неуступний, опублікувавши в 1968 г. в Празі роботу «Музей і дослідження» [10]. В своїй роботі І. Неуступний розробив модель, в якій музеологія ділилась на загальну (займається принципами зберігання, дослідження і комунікації матеріальних свідчень людства і його оточуючого середовища, а також їх інституційною основою) і прикладну (має справу з результатами роботи загальних принципів музеології в музейній практиці). Пізніше до неї була додана спеціальна музеологія (з'єднує загальну музеологію з конкретними предметними дисциплінами і розглядає проблему музеїв і їх колекцій в області мистецтва, антропології, природної історії і т. д.).

Пропонувались і інші опозиції: музеологія і музеографія чи теоретична музеологія і практична [4, с. 33; 17].

Необхідно відзначити, що відношення між музеологією і прикладними науками є одним з центральних питань в межах розгорнутих дискусій про музеологію 60-80-х рр. минулого століття. Нідерландський музеолог Петер ван Менш запропонував вивчати це відношення на трьох різних рівнях: 1) відношення між музеологією і іншими науковими дисциплінами в цілому (метамузеологічний рівень); 2) зв'язок між музеологією і прикладними дисциплінами в області музеології (інституційний рівень); 3) відношення між музеологією і предметними дисциплінами на рівні повсякденної музейної роботи (музеологічний рівень) [8].

Так чи інакше, не всі спеціалісти згодні з тим, що музеологія є єдиною областю знання, яка потребує свого подальшого структурування. З 1982 г. для забезпечення основ навчального плану і підтримки базових принципів бібліотечної класифікації в Рейнвудській Академії (Нідерланди, Амстердам) використовується найбільш популярна п'ятичленна структура. Так, Загальна музеологія працює з принципами зберігання, дослідження і комунікації матеріальних свідчень людства і його оточуючого середовища, а також з його інституційною основою. Теоретична музеологія закладає філософські і епістемологічні основи цих принципів. Прикладна музеологія займається методологічними аспектами музейної роботи, т. є. застосуванням теоретичних концепцій на практиці. Спеціальна музеологія з'єднує

общую музеологию с конкретными предметными дисциплинами, рассматривает проблему музеев и их коллекций в области искусства, антропологии, естественной истории и т. д. Наконец, историческая музеология обеспечивает общую историческую перспективу.

Помимо упомянутых выше музеологий в литературе могут быть найдены и многие другие. Например, «критическая музеология», «новая музеология» и «эко-музеология» представляют собой дисциплинарные ответвления, которые стремятся стать отдельными областями исследований. Как методология, а не область исследований, предлагаются термины «экспериментальная» и «сравнительная» музеология [7, с. 117]. Экспериментальная музеология предлагается в качестве отрасли музеологии, экспериментально изучающей влияние факторов, добавляющих или удаляющих информацию в биографии музейного предмета. Сравнительная музеология предназначена для исследования отличий между разными специальными музеологиями. Специальная музеология в свою очередь претерпевает дробление на множество «отдельных» музеологий, связанных с прикладными науками: «этнографическая музеология», «зоомузеология», «антропомузеология», «этномузеология» и пр. [17].

С середины 1960-х гг. прошлого века, когда дискуссии о предмете изучения музеологии начинают формировать полноценное проблемное поле, разнообразие взглядов на содержание музеологии, похоже, все более разрастается, вместо того, чтобы кристаллизироваться в нескольких четко определенных школах мысли. Эти различные тенденции пытались систематизировать такие авторы, как Войцех Глузински, Авраам Разгон, Збинек Странски, Томислав Шола, Джудит Шпильбауэр, Клаус Шрайнер и др. С 1986 ИКОФОМ организовал открытый семинар по теме «Музеология – наука или только практическая работа?» в *Museological Working Papers* 1 и 2.

Однако, каждый исследователь, принимавший участие в дебатах, по сути, имел свою отдельную точку зрения, которая укладывалась в проблематику: институт – функция – музейный предмет – субъект-объектные отношения. Каждый музеолог решал для себя, является ли музеология подлинной академической дисциплиной, полагая за этим ту степень, в которой дисциплина способна обеспечить потребности общества. В этой связи различие проводилось между значимостью практической работы в области музеологии, т. е. музейной работой, и значимостью музеологии как теоретического каркаса этой области. Требования выдвигались следующие: если музеология должна быть принята в качестве академической дисциплины, она должна разъяснить, какой вклад она вносит в копилку общего знания; если музеология должна быть принята в качестве теоретического ориентира музейной работы, она должна разъяснить, какую пользу от нее получают музейные работники.

Нидерландский музеолог Питер ван Менш синтезирует взгляды исследователей и выделяет следующие основные подходы к данной проблеме: теоретико-эмпирический подход, праксиологический подход и философско-критический подход. «Эти подходы не исключают друг друга. В то время как теоретико-эмпирический подход является преимущественно эвристическим, праксиологический очерчивает стратегии поведения, философско-критический подход развивает определенные точки зрения в готовые руководящие принципы» [8].

Теоретико-эмпирический подход, по мнению музеолога, направлен на субстанциональную рациональность, т. е. способность видеть означающие отношения между различными явлениями в реальности. Его цель носит преимущественно описательный характер. Он пытается понять музеологические явления в их историческом и социально-культурном контекстах. Его полезность в первую очередь – эвристическая. Праксиологический подход основное внимание уделяет функциональной рациональности. Функциональная рациональность имеет воз-

возможность разрабатывать адекватные средства (методы, приемы, процедуры) для реализации целей, которые были определены заранее. Его цель носит прикладной характер. Он должен давать конкретные ответы на конкретные вопросы. В связи с музеем, как институцией, различие может быть проведено между культурным содержанием и структурной формой. Культурное содержание затрагивает ценности и нормы, значение и роль, т.е. музей как институцию. Структурные формы соотносятся с разделением труда, иерархией функций и т. д., т. е. с музеем, как организацией. Структурная форма характеризуется функциональной рациональностью, в то время как для культурного содержания характерна субстанциональная рациональность. Теоретико-эмпирический подход в области музеологии, как правило, сосредоточен на культурном содержании (т. е. субстанциональной рациональности), в то время как прагматический подчеркивает структурные формы музеологических явлений (т. е. функциональную рациональность). Не случайно поэтому под «музеологией» все чаще подразумевают менеджмент и маркетинг в музейном деле. Так или иначе, но оба подхода не исключают друг друга. Как утверждает Винош Софка, целью музеологии является исследование, анализ и изучение музея и его деятельности и, тем самым, приобретение знаний и опыта, которые могут быть обобщены и организованы в рамках системы музейной теории с собственными методами и унифицированной терминологией, а также определение целей, разработка методов и предложение средств для музеологической деятельности и для решения различных ее проблем, создание основ для ее непрерывного развития [14, с. 12].

Переход музеологии от эмпирико-описательного этапа к этапу теоретико-синтетическому связан с признанием ценности предмета/коллекции, как носителя культурной документации. Исходя из подобной исследовательской установки, одна группа музеологов утверждает, что параллельно с переходом от «предмета» к «ценности» должен произойти также переход от «музейного предмета» к «наследию». В 1982 г. известный музеолог-теоретик, директор Европейской ассоциации наследия Томислав Шола предложил для широкой концепции музеологии, которая уже не музеецентрична, но занимается нашим отношением к нашему общему наследию, термин «heritology» («наука о наследии») [13, с. 47]. Такой подход согласуется с определением «наследия», которое дало ЮНЕСКО и охватывает широкий круг общественных явлений. Одновременно музеология затрагивает или даже включает дисциплины по управлению архивами, библиотечным делом, хранением исторических ценностей и т. д.

Немаловажный вклад в понимание музейного предмета, как значимого источника социальной информации, внесли советские и восточногерманские исследователи. В 1978 г. советский музеолог Авраам Разгон определяет музеологию как «научную дисциплину, изучающую законы происхождения и развития музеев» и добавляет «одним из основных элементов предмета изучения музеологии является изучение особенностей предметов – оригинальных источников информации» [11]. Позже А. Разгон определяет музеологию, как социальную науку, изучающую процессы и законы сохранения социальной информации, а также передачи знаний и эмоций через музейные предметы [1].

Похожую точку зрения отстаивает Клаус Шрайнер, определяя предмет музеологических исследований как: «всю совокупность свойств, структурных и динамических законов развития, детерминированных процессами сбора, сохранения, декодирования, исследования, экспонирования и коммуникации движимых объектов, являющихся подлинными источниками, которые могут обеспечить надежное свидетельство развития природы и общества и служить цели получения и распространения знаний, а также передавать эмоциональный опыт» [12]. В целом восточногерманская музеологическая традиция предлагает рассматривать Музеологию в качестве дисциплины, изучающей музей, как исторически развиваю-

щееся социальное явление, социальные функции музея, а также реализацию музейной работы в различных социально-экономических системах. Соответственно объект знания музеологии включает в себя целый комплекс конкретных законов, регулирующих процессы сохранения и коммуникации в музейном контексте, а также происхождение и функционирование музеев.

Для того чтобы отличить музеологию от предметно-объектных дисциплин, чешский музеолог Збинец Странски выдвигает довольно популярную среди музеологов концепцию музеальности как «конкретного аспекта человеческой реальности». «Миссия музеологии заключается в научной интерпретации отношения человека к реальности, то есть специфического отношения, которое находит свое выражение в склонности приобретать и сохранять подлинные репрезентанты ценностей» [18]. В 1980 году З. Странски определил предмет музеологии как «специфический подход человека к реальности, выражением которого является тот факт, что он выбирает некоторые подлинные предметы из реальности, помещает их внутрь новой реальности с целью их сохранения вопреки естественному закону изменения, когда каждый предмет подвергается неизбежному распаду, использует их по-новому для того, чтобы ответить на свои вопросы» [18].

Ссылаясь на концепцию З. Странски, хорватский музеолог Иво Маревич рассматривает музеальность как особенный объект изучения музеологии: «Музеология имеет дело с систематическим изучением процессов выброса информации, которая хранится в материальной структуре музеалей» [8]. И. Маревич выделяет два типа информации: научная и культурная информация. Предметные дисциплины предусматривают использование научной информации, в то время как музеология заинтересована в культурной информации.

Похожая концепция была разработана Марией де Лудрес Ортой, которая определяет предмет изучения музеологии как процесс культурного запоминания: «Музеология – наука для изучения коллекций, памяти о ценностях, процессах, идеях и убеждениях, ритуалах и моделях поведения, материальных и нематериальных продуктах, созданных обществом и сохраняемых в их памяти» [6, с. 157].

В качестве альтернативы В. Глузински предлагает сосредоточить внимание на «сути музея» (т.н. М-факторе), который заключается прежде всего в «вопросе, значение которого в системе культуры репрезентирует все вещи, входящие в состав музея» [4]. М-фактор относится к атрибуции и передаче символических ценностей, воплощенных в предметах, то есть, к символизации и коммуникативному поведению. Музей рассматривается как система таких конкретных культурных моделей поведения.

Похожую точку зрения отстаивает Джудит Шпильбауэр, допуская: «Если музеология является исследованием понимания процесса активного, комплексного сохранения, но не самого музейного учреждения, тогда возникают новые возможности. В такой концепции музеологии, «активный» означает непрерывный динамичный обмен между личностью / публикой / сообществом и доказательством / информацией / пониманием доступным внутри отдельного музеологического пространства» [16]. Кроме того, она определила музеологию как: «организационную и реляционную теорию, накопление необходимых знаний, методологическую основу, необходимую для сохранения, активное интегративное участия в человеческом опыте» [15, с. 279].

На симпозиуме ИКОФОМ по методологии музеологии в 1983 г. высказывались и другие точки зрения, которые не расширяли, а, напротив, сужали предмет изучения музеологии. Два автора видели объект знания музеологии только в одном виде деятельности, в коллекционировании [5] и коммуникации [9]. Подобные подходы, однако, не находили широкой поддержки в среде специалистов.

Все сложившееся разнообразие подходов к содержанию музеологии, по мнению Д. Шпильбауэр, лучше охарактеризовать как континуум с преимуществен-

но прагматическим институциональным подходом с одной стороны и более обобщенным подходом, учитывающим субъект-объектные отношения, с другой стороны [15]. В действительности же мы имеем дело с разными уровнями абстракции в рамках системы взаимосвязанных параметров. «Поскольку такие подходы основаны на достаточно произвольно принятых системах соотношения и не позволяют решить, какая из них правильная, все они не позволяют устранить конкурирующие концепции» [4, с. 28].

Как нам представляется, все перечисленные выше «музеологии» имеют дело с одним и тем же базовым набором параметров. Они в большей или меньшей степени охватывают одну и ту же область знания, которая, однако, не укладывается в форму строгой академической науки. Многие разногласия относятся к степени распространения области знаний. Основными параметрами здесь являются: музейная институция и музейный предмет, природное и культурное наследие, а также мероприятия по его сохранению и коммуникации, совокупность субъект-объектных отношений. Однако музеология, как наука, не может основываться на совокупности данных параметров, принятых априори, поскольку такие идеи, на самом деле, должны быть результатом музеологического исследования. С чего может начинаться музеологическое исследование? Возможно с попытки децентрации традиционного объекта знания (а вместе с ним и предмета изучения) для того, чтобы позволить музеологическому дискурсу очертить его вновь.

Приведенные выше взгляды музеологов наглядно демонстрируют, что музеология, основанная на общественном институте музея, вряд ли сможет стать классической наукой, однако имеет большой потенциал в качестве дисциплинарного образа или совокупности вербальных форм.

Для того, чтобы раскрыть новое понимание музеологии, нам следовало бы задаться вопросом «почему Музеология стала возможной?». Отвечая на данный вопрос, попробуем обратиться к некоторым фрагментам из интеллектуального опыта Мишеля Фуко, сконцентрированного в его работе «Археология знания» (1969) [2]. В своей работе выдающийся французский мыслитель предлагает инструментарий для понимания формирования дисциплин в рамках дискурсивной формации.

Итак, музеология стала возможной потому, что стал возможен переход от изучения музеев, музейных предметов и общества в их постоянном взаимодействии к структурам уже сформировавшегося и воплощающегося в музеологических практиках музеологического знания. Музеология должна, прежде всего, изучить тот разрыв, который сделал ее возможной. Если допустить, что она имеет дело с техниками документирования реальности посредством отбора, сохранения, изучения и демонстрации предметов материальной культуры в их вариативности, то каждое из этих действий должно подвергаться аналитическому дроблению тем же способом, с помощью которого предмет вынимается из его первоначального контекста и размещается в моделируемой реальности, подвергаясь музеезации. Иными словами, если мы представим, что «музеезация» – моделирование реальности прошлого или настоящего средствами музейных практик (сбор, сохранение, документация, регистрация, хранение, изучение, демонстрация и пр.), то «музеология» изучает и обобщает опыт музеезации.

Музеология стала возможной после эпистемологического разрыва, сообщившего нам о том, что реальности не делятся, а формируются и моделируются согласно системе господствующей идеологии. Что как не господствующая идеология диктует нам правила, по которым мы находим связь между предметами, размещая их рядом друг с другом или отдаляя их друг от друга на безопасное расстояние? Музеология должна соответственно заниматься «идеологией музея», который практикует порядки размещения предметов в пространстве, предлагает контексты и взаимосвязи, принимает участие в установлении предпочтений,

на основе которых осуществляется отбор и изучение материала, формируется художественный вкус, происходит инвентаризация и оценка тех или иных памятников культуры. Музеологию должны интересовать принципы, на основе которых предметными дисциплинами создаются целостности, последовательности, совокупности, связи. В каком-то смысле музеологию должны интересовать не музейные предметы, а принципы построения экспозиций.

Музееведение (как *museum studies*) изучает то, каким способом музеи делают из памятника документ; музеология (*museology*) – эксплицированную документальность. Предметные дисциплины учат предметы говорить; музеология следит за общим ходом дискуссии на межпредметном и междисциплинарном уровне. История музея ищет непрерывную, длящуюся преемственность либо в особом отношении человека к действительности, либо во врожденном инстинкте к коллекционированию (или особой духовной потребности в сохранении, оценке, упорядочивании), заботе о наследии, памяти и пр. Музеология, напротив, должна отталкиваться от разрывов, выпрямляющих данные линии. Она раскрывает связь между дискурсивной формацией, как законообразующей реальностью (понимание «музейности» в конкретную эпоху), и недискурсивной областью (например, музей, предмет, экспозиция). Далее музеология определяет правила образования совокупности высказываний в рамках конкретной музейной практики, которую она берет как единичную практику, изучая ее предпосылки, стратегии, эффективность в достижении моделирования или репрезентации и пр.

Если музееведение собирает предметы вокруг музея как центра, музеология пытается потерять и найти вновь музей в рассеянных коммуникационных, исследовательских и прочих музейных практиках. Музеология выводит музей из того пространства «остановившегося времени», «вечности», в которое он традиционно помещается. Она, возможно, косвенно добивается постановки вопроса об авторских правах, а также возвращает музей в его исторический контекст. Музеология изучает науку о музее в виде совокупности музейных практик, подвергнутых теоретическому обобщению, но не изучает музей как их институциональное воплощение, которое рассматривает себя в качестве того, чем он непосредственно является. Т. е. музеология отслеживает взаимосвязи музейных практик и рассматривает их как практики дискурсивные. При этом она ставит абсолют музея под сомнение, одновременно обвиняя и пытаясь найти для него оправдание в каждую отдельную эпоху мысли. Она пытается ответить на вопрос: почему музей называется музеем?

Углубление темы основано на базовой предпосылке: если музей рождается из прекращения понимания предмета, то музеология – из прекращения понимания музея. В конечном итоге музеология должна заниматься пределами музея и знания о нем, должна очертить границы пространства музейного дискурса и отделить его от немuseumного. Попросту говоря, музеология должна заниматься музейным дискурсом.

Поскольку музеология возникает на основе всей системы высказываний и отношений, которые образуются вместе с интеграцией музейных практик в социально-экономический, политический, литературно-художественный, юридический и иные контексты (если мы говорим о музее как о системе музейных практик), то очевидна и культурологическая широта круга возможных исследовательских источников. В их число могут входить научные труды прикладного характера, юридические нормы, интегрирующие музей в систему общественных отношений, литературные тексты, внутримuseumная документация по хранению, учету и классификации фондов и пр. Короче, весь массив вербальных высказываний, который дает нам возможность говорить о формировании дисциплинарного образа музеологии в контексте современной гуманитаристики. При этом «образность» позволяет уклониться от строгих академических форм в репрезентации объекта

исследования, а «дисциплинарная форма» является обязанностью исследовать и контролировать неупорядоченную спонтанность дискурсивных практик.

Бібліографічний список

1. **Разгон А. М.** Место музееведения в системе наук / А. М. Разгон. – М., 1986.
2. **Фуко М.** Археология знания / М. Фуко. – К., 1996.
3. **Burcaw G. E.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Methodology of museology and professional training / G. E. Burcaw // ICOFOM Study Series 1. – Stockholm, 1983. – P. 10–23.
4. **Gluzinski W.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Methodology of museology and professional training / W. Gluzinski // ICOFOM Study Series 1. – Stockholm, 1983. – P. 24–35.
5. **Hodge J.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Methodology of museology and professional training / J. Hodge // ICOFOM Study Series 1. – Stockholm, 1983. – P. 58–65.
6. **Horta M.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Museology and museums / M. Horta // ICOFOM Study Series 13. – Stockholm, 1987. – P. 151–160.
7. **Mensch P.** van Practice and theory / P. Mensch // Museological News (10), 1987. – P. 115–118.
8. **Mensch P.** Towards a methodology of museology / P. Mensch (PhD thesis). – Zagreb, 1992.
9. **Myles K.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Methodology of museology and professional training / K. Myles // ICOFOM Study Series 1. – Stockholm, 1983. – P. 97.
10. **Neustupny J.** Museum and research / J. Neustupny. – Prague, 1968.
11. **Razgon A. W.** Research work in museums: its possibilities and limits / A. W. Razgon // Possibilities and limits in scientific research typical for the museum. – Brno, 1978. – P. 20–45.
12. **Schreiner K.** Fundamentals of museology / K. Schreiner. – Waren, 1985.
13. **Sola T.** The concept and nature of museology / T. Sola // Museum (153), 1987. – P. 45–49.
14. **Sofka V.** Museology is the study of the museum and its activities / V. Sofka // Museological Working Papers (1), 1980. – P. 12–13.
15. **Spielbauer J.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Museology and identity / J. Spielbauer // ICOFOM Study Series 10. – Stockholm, 1986. – P. 273–282.
16. **Spielbauer J.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Museology and developing countries – help or manipulation? / J. Spielbauer // ICOFOM Study Series 14. – Stockholm, 1988. – P. 249–260.
17. **Stransky Z.** Basic paper, in: V. Sofka ed., Methodology of museology and professional training / Z. Stransky // ICOFOM Study Series 1. – Stockholm, 1983. – P. 126–132.
18. **Stransky Z.** Museology – science or just practical museum work? / Z. Stransky // Museological Working Papers (1), 1980. – P. 42–44.

Надійшла до редколегії 08.12.2010.